

Религиозная жизнь русского социума в диалоге «наставник-ученик» (по материалам личной переписки народника А. С. Пругавина и Е. В. Молоствовой)

Аннотация. В статье изучается опыт наставничества известного народника, знатока религиозной жизни русского народа Александра Степановича Пругавина на примере анализа его переписки с Елизаветой Владимировной Молостовой. Представлены и проанализированы письма, обнаруженные авторами в личном фонде А. С. Пругавина в Российском государственном архиве литературы и искусств (РГАЛИ). В письмах отражается стремление А. С. Пругавина перенять и применить характерный для староверов феномен наставничества как новый идеал взаимоотношений учителя и ученика. Особое внимание уделяется разбору текстов писем и пояснению взаимоотношений А. С. Пругавина и Е. В. Молоствовой. Авторы приходят к выводу о том, что А. С. Пругавин, на протяжении всей жизни предпринимавший неоднократные попытки разобраться в многообразии религиозных движений в Российской империи, полагал, что одной из действенных идей, которая может быть перенята русской интеллигенцией у старообрядцев, является практика наставничества. Переписка А. С. Пругавина с молодой исследовательницей сектантства Е. В. Молостовой позволяет реконструировать его собственный подобный опыт.

Ключевые слова: А. С. Пругавин, народничество, старообрядчество, практика наставничества, традиционное общество, религиозные объединения, Е. В. Молостова, сектантство, религиозная образовательная практика, наставничество в старообрядчестве.

Abstract. The article investigates the mentoring experience of the famous populist and expert of Russian people's religious life Aleksandr Stepanovich Prugavin on the example of an analysis of his correspondence with Elizaveta Vladimirovna Molostova. The authors present and examine the letters discovered by them in the private collection of A. S. Prugavin in the Russian State Archive of Literature and Art (RSALA). The letters reflect A. S. Prugavin's aim to learn and use the characteristic for Old Ritualists phenomenon of mentorship as a new ideal relationship between a mentor and his student. Particular attention is paid to the scrutiny of the letters' texts and the interrelations between A. S. Prugavin and E. V. Molostova are clarified. The authors come to the conclusion that A. S. Prugavin, who during the course of his whole life undertook numerous attempts at understanding the multiformity of religious movements in the Russian Empire, assumed that the one effective idea that could be adopted by the Russian intelligensia from the Old Ritualist is the practice of mentorship. The correspondence between A. S. Prugavin and the young researcher of sectarianism E. V. Molostova allows to reconstruct his own similar experience.

Key words: A. S. Prugavin, populism, Old Ritualism, practice of mentorship, traditional society, religious unions, E. V. Molostova, sectarianism, religious educational practice, mentorship in Old Ritualism.

Социально-политическая реальность России XXI века свидетельствует о возрождении общественного интереса к традиционным социумам, этническим группам и конфессиональным сообществам. Причины данного интереса многообразны: поиск идентичности, реконструкция нацио-

нальной идеи, разочарование в политических идеалах и т.д. В этой связи особую значимость приобретает опыт по изучению традиционных российских сообществ, накопленный учеными в предшествующие периоды отечественной истории. Яркий пример тому – изучение религиозной жизни и религиозных традиций народной

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

жизни в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. При этом взгляды исследователей на течения, отличные от официально православия, разнились. С одной стороны, были те, кто считал подобные религиозные объединения вредными для общества и государства. Такой позиции придерживались представители РПЦ, религиоведы, часть консервативных историков. С другой стороны, были и те, кто допускал возможность мирного сосуществования религиозных «диссидентов». Такого мнения придерживались историки-либералы, народники. Подобная двойственность приводила к тому, что значительная часть населения империи оказывалась вне законодательной защиты государства и вне общественного признания. Но действительно ли представители многочисленных религиозных общностей Российской империи заслуживали статус «вредные» и «опасные»? Или в традиционном русском обществе существовали группы, общественные и бытовые отношения в которых, наоборот, могли стать тем самым вариантом возвращения к исконно русским корням, поиском которого русская интеллигенция занималась весь XIX в.? А их духовный и практический жизненный опыт заслуживал не только подробного исследования, но даже некоторого заимствования?

Источниковую базу данного исследования представляют неопубликованные документы из личного фонда А. С. Пругавина в Российском государственном архиве литературы и искусств (РГАЛИ, г. Москва), опубликованные источники, включающие биографические сведения об авторах и материалы, в которых обсуждается теоретическая сторона практик староверов.

Методологическая база работы основывается на принципах историзма и объективности. Для решения поставленных исследовательских задач в работе использовался комплекс общенаучных и специальных методов: метод анализа, метод индукции, сравнительно-исторический метод. Обозначенные принципы и выбранные методы позволили в проведенном исследовании рассмотреть вопрос о староверческой практике наставничества, применявшейся А. С. Пругавиным в конкретном случае (при выстраивании отношений с Е. В. Молоствовою) как логическое продолжение его исследовательского поиска.

Частная переписка XIX в., как источник личного происхождения с фиксированным адресатом, имеет сегодня обширную историографию. Тем не менее работа с данным источ-

ником предполагает, что автор столкнется и с особенностями этих источников: сложность сохранения в частных руках (хранились небрежно, часто уничтожались автором и(или) адресатом), проблемы работы с частной перепиской, хранящейся в архивах (отсутствие четкой системы приёма на хранение; разнесение переписки по разным личным фондам и (или) коллекциям, и, как следствие, затруднение в поиске и исследовании).

А. С. Пругавин состоял в переписке с большим количеством адресатов, в том числе с редакторами журналов, издательствами, исследователями различных рангов, современными автору. Однако переписка А. С. Пругавина исследована недостаточно, в научных работах упоминается лишь фрагментарно, а исследований, посвящённых переписке автора, в настоящее время не существует. Первый анализ собственных писем автор произвёл ещё в 1911 г., когда была опубликована книга о Л. Толстом [14]. В ней, в том числе, была представлена и переписка авторов. В современных работах фрагментарный анализ переписки А. С. Пругавина представлен в кандидатской диссертации Б. Б. Сажина [17]. Также переписка автора, как одного из идеологов легального народничества, исследуется в монографиях Г. Н. Мокшина [6, 7].

Известный народник и расколовед Александр Степанович Пругавин полагал, что представителей отличных от РПЦ религиозных течений, во множестве распространившихся по империи, нельзя ставить вне закона, воспринимать как чуждый или даже опасный для русского общества и государства элемент. В своей известной работе «Раскол и сектантство в русской народной жизни» автор отмечал, что религиозность в русском народе была «до известной степени <...> одно целое», несмотря на существование в обществе огромного разнообразия форм духовной жизни [13, с. 77]. Кроме того, А. С. Пругавин считал, что именно у старообрядцев, которые составляют наиболее думающую часть народа, «превосходно знают всю русскую историю и многое другое <...> знакомы с положением <...> общественных вопросов и задач», русское общество (особенно интеллигенция) может перенять новые здоровые идеи и новые жизненные идеалы [13, с. 93]. Наиболее действенной идеей, способной реализовать подобную практику, он признавал феномен наставничества.

На рубеже веков к А.С. Пругавину как к специалисту по вопросам религиозной жизни на-

рода обращались как издательства, так и сами авторы. Это были прошения о рецензиях на статьи и книги по данной теме, о консультациях по вопросам исследования народа, о корректуре черновиков книг и т.д. С подобной просьбой к автору обратилась и Е.В. Молостцова. На примере отношений Е.В. Молостцовой и А.С. Пругавина реализовалась старообрядческая идея наставничества.

Цель статьи состоит в изучении опыта наставничества А. С. Пругавина по отношению к Е. В. Молостцовой. Реконструкция данной практики будет осуществлена на основе их личной переписки. Так как первоначальный интерес к изучению данной старообрядческой традиции возник у автора в рамках собственной исследовательской практики, то основой для рассмотрения в статье будет именно опыт взаимоотношения уже состоявшегося исследователя «расколоведа» А. С. Пругавина (как «наставника») с исследователем в статусе становления Е. В. Молостцовой (как наставляемого «члена общины исследователей»).

Следует учитывать, что и А. С. Пругавин, и Е. В. Молостцова имели обширную переписку с современниками (писателями и поэтами, публицистами и исследователями, издательствами и редакциями журналов). Для анализа в статье используются исключительно их письма друг другу.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- дать определение старообрядческому феномену наставничества;
- охарактеризовать личности обоих авторов, уточнив их статусы в исследовательской среде Российской империи начала XX в.;
- изучить переписку А. С. Пругавина и Е. В. Молостцовой (оригиналы и черновики писем), проанализировать её содержание и смысл;
- определить, являлись ли отношения А. С. Пругавина и Е. В. Молостцовой проявлением традиции наставничества или представляли собой исключительно общение двух исследователей.

Такое явление, как наставничество, встречается в начиная с конца XVII – начала XVIII вв. В работе С. Г. Вургафта и И. А. Ушакова «Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря» наставник определяется как «духовный руководитель

общины у беспоповцев, настоятель церкви или моленной, возглавляющий богослужение, исполняющий требы» [4]. Однако данный феномен на сегодняшний день по-прежнему остаётся одним из малоизученных в старообрядческой духовной культуре.

В словаре Д. Н. Ушакова термин «наставничество» определяется как «занятие, должность наставника», имеющий устаревшее значение. Если заглянуть в Педагогический терминологический словарь, то там термин «наставничество» определяется как «процесс передачи опыта и знаний от старших к младшим членам общества; форма взаимоотношений между учителем и учеником». То есть и сегодня наставничество (чаще всего в понимании «менторство», «тьюторство», «куочинг») имеет место быть в обществе. И приведённое определение даёт представление, в том числе, и о старообрядческом наставничестве.

Старообрядцы-беспоповцы (в среде которых и наблюдается эта практика) полагали, что помощь в постижении истины (религиозной, бытовой) человеку в общине «святые и праведные люди», которым эти истины «открываются богом <...> в награду за благочестие», не зависимо от того, «является ли этот человек священником» [3]. То есть в старообрядческой среде наставник – это особо почитаемый человек, являющийся духовным пастырем и не имеющий священнического сана. Как отмечает в своей статье В. В. Власова, к человеку, оказавшемуся на должности наставника, изъяснялся ряд требований, «касавшихся его образованности и нравственного облика» [1, с. 181-191].

Таким образом, наставник в общине староверов был одновременно и духовным лидером (хранителем сакрального знания), и авторитетом в общественных делах, и советчиком в личных делах. Они играли первостепенную роль в передаче религиозного и этнокультурного опыта в общине. Здесь мы можем провести аналогию с А. С. Пругавиным в восприятии Е. В. Молостцовой, так как он являлся для неё безусловным и непререкаемым авторитетом в вопросе исследования религиозной жизни народа. И именно «общественная санкция», а именно одобрение её исследования «Иеговисты» и положительная рецензия на него для Императорского Русского Географического общества, смогла бы перевести Е. В. Молостцову в новую категорию – исследователи религиозной жизни русского народа.

Александр Степанович Пругавин стоял на позициях народничества. Побывав в десятилетней ссылке, часть времени в которой он провёл на Русском Севере (Олонецкая и Архангельская губернии), А. С. Пругавин утвердился не просто в основной идее народничества – изучении русского крестьянства, но в исследовании одной из сложнейших областей народной жизни – религии. Именно с начала 70-х гг. XIX в. начинается деятельность автора по изучению религиозных проявлений в народе, отдельных религиозных течений, оппозиционных РПЦ.

Работы А. С. Пругавина публиковали ведущие периодические издания империи конца XIX в.: журналы «Русская мысль», «Исторический Вестник», «Новое слово»; газеты «Неделя», «Голос» и «Русские Ведомости». К началу XX в. А. С. Пругавин стал также автором нескольких крупных работ, посвященных старообрядчеству и смежной с этим вопросом теме монастырской ссылки: «Раскол и сектантство в русской народной жизни» [13], «Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством» [12], «Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола» [11].

В начале XX в. А. С. Пругавин был уже известным во всей империи специалистом в вопросах изучения старообрядчества и сектантства. Он смог пройти период ужесточения цензуры начала царствования Александра III и оставить прежнюю сферу своих интересов. К нему как к эксперту часто обращались с просьбами многие начинающие авторы. Одной из них и стала Е. В. Молодцова.

Елизавета Владимировна Молодцова (1873-1936) являлась одной из ярких фигур в дворянском обществе на рубеже XIX-XX веков. Её по праву именовали ученым и публицистом. В 1910 г. она была избрана членом Русского географического общества. Семья самой Е. В. Молодцовой (в девичестве Бер), по происхождению российские немцы, принадлежала к интеллигенции. Её отец, В. Б. Бер, выпускник Императорского Александровского лицея (ранее Царско-сельского) имел чин статского советника и являлся членом Казанской судебной палаты. Брат, Б. В. Бер, известный российский поэт-символист и переводчик, выпустил несколько сборников стихов (Воропаева) и занимался переводами известных поэтов Ламартина, Шелли, Верхарна, Бодлера и многих других.

Исследовательская деятельность Е. В. Молодцовой и её жизненная активность сыграла

значимую роль в сохранении их родовой усадьбы Долгая Поляна (Казанская губерния), о благополучии которой она вместе с мужем В. Г. Молодцовым радела с 1903 года. В 1918 именно Е. В. Молодцова благодаря личному знакомству с Н. К. Крупской смогла добиться от правительства новой России сохранения усадьбы как территории «весьма ценной в культурном отношении», где располагалась «библиотека и этнографический архив по исследованию уральских сектантов» [21]. В эти сложные годы Елизавета Владимировна не прекратила научных занятий, несмотря на то, что в доме ей отдали лишь одну комнату для этого.

Е. В. Молодцову связывали дружеские отношения с Л. Н. Толстым, их переписка началась в 1904 году. Елизавета Владимировна, ощущая потребность приносить, как и её муж (В. Г. Молодцов на протяжении почти 12 лет являлся предводителем дворянства Тетюшского уезда) пользу обществу, обратилась за советом именно к Л. Н. Толстому [22]. И именно под влиянием Л. Н. Толстого она увлеклась изучением религиозных течений в русском обществе. Свои исследования о русском сектантстве Е. В. Молодцова опубликовала в период 1909–1914 гг.: «Грядущее царство мира» [8, с. 77], «Секта иеговистов» [10], «Иеговисты. Жизнь и сочинения капитана Н. С. Ильина. Возникновение секты и её развитие» [9].

Статья Е. В. Молодцовой «Секта иеговистов», опубликованная в 1911 г., стала началом её фундаментального исследования «Иеговисты. Жизнь и сочинения кап. Н. С. Ильина. Возникновение секты и её развитие». В данной работе автор, используя архивные документы и рукописи Н. С. Ильина (основателя секты иеговистского толка на Урале), изучила возникновение и развитие обозначенного религиозного течения, впервые среди других исследователей обратившись к данной проблеме. Именно с написанием и публикацией этой книги связано общение Е. В. Молодцовой и А. С. Пругавина.

В документах из личного архивного фонда А. С. Пругавина в Российском государственном архиве литературы и искусств (РГАЛИ) находится переписка с Е. В. Молодцовой: письма А. С. Пругавина в черновиках, письма, почтовые карточки и телеграммы Е. В. Молодцовой в оригинале (с конвертами) [15, 16]. Всего в деле № 287 содержится девять писем, шесть почтовых карточек, одна телеграмма и одно фото с дарственной надписью от Е. В. Молодцовой

А. С. Пругавину. В деле № 374 содержится шесть черновиков писем А. С. Пругавина к Е. В. Молостковой. Далее в тексте будут приводиться отрывки из их переписки с сохранением авторского стиля.

Первые датировки в деле это телеграмма и почтовая карточка, отправленные Е. В. Молостковой 9 января и 18 октября 1910 г.: «*Необходимо вас видеть весьма важному делу возможно скорее. Телеграфируйте когда могу захватить или когда заедете. Молосткова*» [16, л. 8], «*Дорогой Александр Степанович, приеду в Петербург 22-го утром и пробуду до 23-го <...> Очень хочу Вас увидеть. Сделайте так, чтобы 22-го утром была мне записка в гост. <...>, где и когда можем свидеться <...>*» [16, л. 1]».

Данные тексты подтверждают, что знакомство между авторами состоялось раньше 1910 года, однако в личном фонде А. С. Пругавина находятся лишь два дела по обозначенной теме. Можно предположить, что часть писем была утеряна в период революции.

Елизавета Владимировна активно обсуждала Александром Степановичем уже в 1910 г. какое-то дело. Зная, что в тот момент началась работа над выпуском её книги «Иеговисты», можно предположить, что вопрос состоял как раз в обсуждении книги.

Следующее письмо было написано Е. В. Молостковой 4 декабря того же года в период её путешествия по Тунису: «*Думала написать Вам <...> уваж. Александр Степанович, но известие о Льве Николаевиче, его болезни и смерти перевернули и все мои мысли, и все мои планы. Очень было тяжело <...>*» [16, л. 2].

В приведённом отрывке Елизавета Владимировна в тексте делится своими ощущениями о смерти Л. Н. Толстого, то есть обсуждает с А. С. Пругавиным довольно личные переживания. Это позволяет сделать вывод, что их взаимоотношения в конце 1910 г. были более чем просто переписка двух авторов, скорее, это больше походило на общение двух хороших знакомых.

В целом, Е. В. Молосткова в период своих отъездов за границу (почти месячный период заграничного путешествия по Тунису в 1911 г., поездка в Италию в 1913 г.) не прерывает переписку с А. С. Пругавиным. Почтовые карточки и письма приходили последнему из Бискры, Туниса, Карфагена, Бордигеры, Неаполя. Безусловно, контакт с А. С. Пругавиным в указанный период был для неё чрезвычайно важен.

На 1911 г. приходится активное обсуждение книги Е. В. Молостковой в Императорском

Русском Географическом Обществе, что отражается и в их с А. С. Переписке. В январе 1911 г. Е. В. Молосткова возвращается в Россию и вновь отправляет А. С. Пругавину почтовую карточку с приглашением ко встрече: «*Я опять в Петербурге, дорогой Александр Степанович <...>. Если завтра (в воскресенье) вы днем не свободны, то назначьте мне другое время <...>*» [16, л. 6].

Об особом характере их отношений, давно перешедших из стадии «автор-рецензент» на более глубокий уровень свидетельствует и фотография Е. В. Молостковой, присланная ею Александру Степановичу. На обороте фотографии располагается надпись «А. С. Пругавину» [16, л. 13]. Фотография была выслана Елизаветой Владимировной весной 1911 г., вероятнее всего в апреле или мае, так как в деле есть расписка о приёме заказного отправления А. С. Пругавиным в мае.

Это также подтверждается её следующим письмом, написанным в мае. «*Не могу удержаться, чтобы не написать вам еще раз, дорогой Александр Степанович. Беспokoюсь вашим молчанием: не были ли вы больны? Или неужели опять не дошло до вас мое заказное письмо (высылала с моим портретом)? Или до меня – ваше? Если даже вы очень заняты, найдите, пожалуйста, минут и напишите мне два слова – иначе я буду думать, что вы имеете что-нибудь против меня и очень огорчусь такой несправедливостью. Любящая вас Е. Молосткова*» [16, л. 14–14об.]. А. С. Пругавин пометил на данном листе, что «*Отвечал 10го мая*».

В письме от 22 мая 1911 г. Е. В. Молосткова продолжает обсуждать с А. С. Пругавиным свои литературные дела: «*Искренне рада, что с вами все благополучно, дорогой Александр Степанович, если не считать неприятности с книгой, а ведь это большая неприятность, и когда она завершится? Мои литературные дела – все на мертвой точке. Жду приглашения на Географ. Общество и печатания своих статей в «Вест. Евр». <...>. Рукописи моей в <...> не оказались: м.б. её взяли с бумагами Бонч-Бруевича, когда его арестовывали, <...> но у меня была копия, и я послала её в «Рус. Старину», но ответа ещё нет. По возвращении домой занималась сектой Пашкова. <...> не знаю, говорила ли я вам, но у меня много материала, полученного от него самого, и хочется им заниматься серьезно, но это пока ещё в проекте – отвлекаюсь случайными заботами*» [16, л. 17, 17об., 18].

В декабре, шестого числа, Елизавета Владимировна пишет очередное письмо: «*Дорогой Александр Степанович. Я приехала как нельзя более кстати: в четверг будет решаться судьба моей книги*

и решать её будете собственно вы, так как постановлено спросить вас – единственный авторитет по вопросам религии имеет ли моя работа этнографическое значение. П.Н. Самойлович говорил, что ваш отзыв явится решающим. Он только что приготовил книгу к отправке вам, а я перехватила её, чтобы вставить новые листы как раз этнографического содержания. Сейчас этим и займусь, а вас очень прошу не отказать дать ваш отзыв к четвергу, – иначе дело опять оттянется, и я опять уеду ни с чем <...>» [16, л. 20].

Как видно из отрывка, А. С. Пругавин к тому моменту был уже знаком с трудом «Иеговисты» и уже отправлял в ИРГО на неё отзыв, а Е. В. Молоствовой – корректировку текста. Но к нему обратились вновь с просьбой оценить её работу с точки зрения этнографической ценности.

Показательно, что к этому письму Елизаветы Владимировны сам Александр Степанович прикрепил письмо из ИРГО от седьмого декабря, в котором как раз обозначалась вышеописанная просьба. «Глубокоуважаемый Александр Степанович, Редакционная комиссия Отд. Этн., рассматривая вопрос о печатании труда г-жи Молоствовой «Иеговисты», о котором Вы уже давали отзыв, постановила просить Вас сообщить комиссии дополнительно: имеет ли названный труд этнографическое значение? (подчеркнуто в оригинале) В какой мере в труде устранены недостатки, указанные в Вашем отзыве? Рукопись должна быть доставлена Вам вчера от автора. Дополнительный отзыв будет заслушан в <... > Ред. ком. в четверг, 8 ч. веч., 8 дек. Секретарь П. Самойлович» [16, л. 23].

Безусловно, А. С. Пругавин переживал за судьбу книги Е. В. Молоствовой, и причин тому было несколько: стремление помочь молодому и талантливому автору, чувство привязанности к Елизавете Владимировне и ответственности за её судьбу и, конечно же, близкая ему по духу тема исследования – религиозные группы в русском обществе. И уже девятого декабря сама Е. В. Молостова вновь пишет А. С. Пругавину о том, как разрешилось волнующее их обоих дело с книгой: «Дорогой Александр Степанович. Вопрос все еще не разрешен. Редакционная комиссия всеми против одного постановила принять мою книгу, но просит меня внести некоторые изменения, для чего меня вновь пригласили сегодня в Общество. Не зная, какие изменения от меня потребуются, я не могу дать согласия <...>» [16, л. 26].

Следующее письмо Е. В. Молостова пишет одиннадцатого декабря. «Как вы могли подумать, дорогой Александр Степанович, что я искала себе

другого эксперта! Это меня очень огорчило! Просто, торопясь, я должно быть, написала бесполово. Дело было так: редакционная комиссия спросила меня, согласна ли я внести в свою книгу некоторые изменения. Я ответила, что должна знать, какие именно изменения, иначе рискую без конца переделывать работу. Помня ваш совет, я решила, что раз общество идет мне на встречу, то и я могу согласиться на некоторые уступки, если они не будут в ущерб <...> книги. На мой вопрос, какие изменения <...> С. О. Ольденбург сказал, что комиссия, предвидя <...> вопрос, постановила снова передать мою книгу на рассмотрение какому нибудь одному лицу, которое и должно указать мне определенно, какие изменения в моей работе желательны. <...>» [16, л. 27, 27об.].

Вероятно, А. С. Пругавин неверно понял её предыдущее сообщение и посчитал, что она собирается обратиться к кому-то ещё для экспертизы книги, о чём мог попенять Елизавете Владимировне в ответном письме. И она поспешила развеевать его опасения.

В 1912 г. Е. В. Молостова и А. С. Пругавин продолжают обсуждать её сочинение «Иеговисты». Также, Елизавета Владимировна продолжает знакомиться с сочинениями Александра Степановича и обсуждать с ним ситуацию по интересующих их обоим проблеме.

В мае Е. В. Молостова присылает А. С. Пругавину письмо, в котором обсуждает первую корректуру собственного текста: «Не очень браните меня, дорогой Александр Степанович, за корректуру: первый блин всегда бывает комом, а затем приложу все старания, чтобы со вторым этого не случилось. Сердечное спасибо за статью о Добролюбове; в одном я не могу согласиться с вами: вы пишете, что не сомневаетесь в его искренности, а я почти не сомневаюсь в обратном, т.е. в его отсутствии. Д. представляется мне человекаом <...>, кому дан талант, а кроме таланта в еще большей степени – <...> развитое самлюбие <...>. Таким людям нужен воздух, чтобы дышать, и поклонение людей, чтобы жить» [16, л. 37, 37об.].

В 1913 г. А. С. Пругавин продолжает рецензировать книгу Е. В. Молоствовой, которая корректирует текст согласно полученным ранее замечаниям. В своих письмах Александр Степанович очень подробно разъясняет ей особенности работы с текстом, объясняет исправления, которые вносит. Кроме того, в переписке и с его стороны звучат упоминания о личных делах и отзывы на известные им обоим события.

В январе А. С. Пругавин отправляет первое в новом году письмо. «Последняя корректура, полученная от Вас, порадовала меня, т.к. из Ваших по-

правок я наглядно убедился, что моя воркотня не пропала даром, в добрый час (зачеркнуто в оригинале), а пошла на пользу. Со своей стороны я не замедлила конечно, я немедленно же (зачеркнуто в оригинале) исправить присланные формы подписав их на сверстку и передать в Типографию. Однако до сих пор я не получил сверстанных видов. Такое же замедление произошло и в прошлый раз. Не знаю, по чьей вине так сильно задерживают печатание Вашей книги. Быть может виною этому являются события (зачеркнуто в оригинале). Оба Ваши письма я получил. Простите, что своевременно не отозвался на них. С большим интересом прочитал в сообщении о Д. Вашей встрече (зачеркнуто в оригинале) узнал я о том впечатлении которое произвел на Вас Добролюбов.

Вопрос об искренности того или другого человека обыкновенно неясно поддается правильному разъяснению. всегда представляется делом очень трудным и легким. особ А в тех случаях (зачеркнуто в оригинале). Эта трудность особенно увеличивается в тех случаях, когда дело касается таких изломанных и в то же время сложных натур, каким без сомнения является, например, Д – ов <...>, переживший в молодости в пору общественную безвременья – много нездоровых, уродливых увлечений. Но однако считать его закадычным лицемером — я не имею никаких оснований (зачеркнуто в оригинале). <...>

Но я никак не могу огласиться с Вами, что он только лицемер, только ломака. Не могу согласиться, что вся его деятельность объясняется только его тщеславием, его погоней за поклонниками и популярностью. Как всегда и в этом случае мне хочется быть вполне объективным, хочется выяснить психологию Д-ва и его духовные переживания с полной беспристрастностью. Поэтому я был бы очень благодарен Вам, если бы Вы сообщили мне все увиденные Вами факты, которые Вам известны Ваше (зачеркнуто в оригинале) из прежней жизни Добролюбова. Ведь Ваш брат принадлежал к его кружку и напер (зачеркнуто в оригинале) вообще близко стоял к нему. Затем я просил бы Вас сообщить мне, в чем именно проявлялась в Ясной Поляне та неискренность и фальшь Добролюбова, которая – по Вашим словам – заставляли морщиться Льва Николаевича? В чем именно выразилось ломание Д-ва в разговоре с Вами, ломание, которое заставило Вас прервать Ваш разговор с ним и прогулку по саду? Я провожу это лето в экскурсиях по монастырям. Только что вернулся с Валаама, где (зачеркнуто в оригинале) оттуда вынес немало <...> впечатлений <...>» [15, л. 1,2].

В черновике письма ясно читается наставничество А. С. Пругавина по отношению к Е. В. Молоцовой. Текст можно разделить

на две части: в первой, занимающей примерно одну треть от всего письма, он обсуждает главное связывающее их дело (корректурка книги последней), во второй, значительно большей по объёму, – обсуждает ситуацию, о которой писала в предыдущем письме Елизавета Владимировна (о сектанте Добролюбова). Александр Степанович на этом примере объясняет Е. В. Молоцовой, каким образом следует подходить к составлению психологического портрета лидера сектантов («сообщить все увиденные Вами факты <...> из прежней жизни», «в чем именно проявлялась <...> неискренность и фальшь», «в чем именно выражалось ломание Д-ва») и его последующая оценка («быть вполне объективным», «выяснить <...> с полной беспристрастностью»). Также он не забывает сообщить и о собственном времяпрепровождении.

В феврале 1913 г. Елизавета Владимировна вновь оказывается за границей (в Италии) и пишет в очередном письме А. С. Пругавину, что её «дела не совсем блестящи. Печатание книги приходится отложить до моего возвращения, неудобно посылать корректуру <...>» и тут же просит Александра Степановича прислать ей копию его статьи «Добролюбовцам» <...> читала в 2м №№ «Рус. Вед», а конца сем не было – не достала» [16, л. 11].

В апреле она отправила А. С. Пругавину бандероль с частью листов книги: «Дорогой Александр Степанович! Вместе с этим письмом посылаю <...> бандеролью корректурные листы. Мой брат читал их, за ним я, но мы оба неопытные, а потому простите нам недочеты, в сомнительных местах мы сделали пометки карандашом <...>» [16, л. 33].

В мае, вновь находясь в Италии на лечении, Е. В. Молоцова пишет А. С. Пругавину: «Дорогой Александр Степанович. Мало вам своих занятий – вам еще работа с моей книгой. Мне в равной степени и совестно и радостно: совестно, что отнимаю ваше время, радостно, что моя книга в ваших руках. Нам не надо было и говорить, как вы сделали эту работу, я знаю, что во всех отношениях безукоризненно <...>. Благодарна я вам, как только могу быть. Также и за присылку вашей статьи, и за письмо. О Добролюбова, т.е. о посещении его Ясной Поляны у меня должно быть записано, но бумаги мои в деревне, без меня не найдут их. А я вам расскажу при свидании; мечтаю приехать в Петербург в начале Апреля. Хочу этот приезд <...> с возможностью, что мне сделают операцию и в этом мало приятного, но все же лучше, чем жить больной <...>» [16, л. 35, 36, 36об.].

В октябре А. С. Пругавин пишет Е. В. Молоцовой очередное письмо с просьбой ускорить

работу над корректировкой теста книги: «Простите меня, дорогая Ел. Вл., что я так замедлила ответом на Ваше письмо. Признаться все это время я надеялся получить (зачеркнуто в оригинале) поджидал от Вас дальнейшую корректуру Вашей книги, но до сих пор, к сожалению, не дождался.

Ваше письмо к *растущему (неразборчиво)* (зачеркнуто в оригинале) исправляющему обязанности секретаря Отделения этнографии подействовало не скоро. Только 29 августа заходил ко мне Самойлович и передал сверстанные 5й и 6й листы Вашей книги. Из его слов я понял, что за все время *его отсут* (зачеркнуто в оригинале) отъезда его из Петербурга со стороны секретаря Отделения (зачеркнуто в оригинале) заместителем его равно ничего не делалось. А им. 31 ав. <...> подписаны 5 и 6 листы к печатанию и сдан в типографию 31 августа (зачеркнуто в оригинале). И вот с тех пор опять все замолкло! Ни гу-гу! Теперь очередь за Вами. Получили ли Вы корректуру следующих листов? Когда Вы пришлете её ко мне?» [15, л. 3].

Из Италии, куда отправилась Е. В. Молостцова, А. С. Пругавину в начале ноября приходит почтовая открытка, в первых строках которой содержится благодарность: «Спасибо большое, дорогой Александр Степанович, за вашу статью <...>» [16, л. 12].

Следующее письмо Елизавета Владимировна пишет в начале декабря уже из Казани: «Дорогой Александр Степанович! От секретаря Г.О. <...> узнала, что вам опять приходится заниматься просмотром моей рукописи. Хочу поблагодарить вас хоть письменно, так как вряд ли придется приехать в Петербург этой зимой. Я перенесла тяжелую болезнь и до сих пор оправилась лишь настолько, что с большими трудностями переехала из деревни сюда, теперь набираюсь сил, чтобы проделать путешествие куда-нибудь в тепло <...> и вы бы меня порадовали, если бы во внимание к моим немощам, оставили нелюбовь к письмам и сообщили о себе и о своих работах. Издавали ли что нибудь после «Трезвенников»?» [16, л. 30, 30об.].

Зимой 1914 г. работа над корректировкой книги была завершена, о чём свидетельствует письмо А. С. Пругавина от 31 января: «Корректуру Вашу получил, исправил и сдал в типографию. Сегодня или завтра Вам пришлют (далее неразборчиво). Таким образом остаются: приложения, «исторички», предисловие. *Отредать* (зачеркнуто в оригинале) шрифты. Просил составить обложки титул. Обещал в самом скором времени все закончить. Таким образом книга может выйти в свет в течение марта м.» [15, л. 5].

В начале лета книга была успешно выпущена, о чём Е. В. Молостцова сообщила А. С. Пругавину в очередном письме от 22 июня: «Недаром говорится, что всему бывает конец: пришел конец и печатанию моей книги, вчера получила часть следующих мне экземпляров. <...> хочу еще раз высказать вам, дорогой Александр Степанович, мою благодарность за вашу помощь и ваши труды. Знаю, что своей неопытностью и невольными разбедами причинила вам, как редактору, много лишних хлопот» [16, л. 70].

Следующее своё письмо к Е. В. Молостцовой А. С. Пругавин написал только в конце лета.

«Дорогая Елизавета Владимировна, просите ради Бога, что так долго не отвечал на Ваше последнее письмо. Но я все время ждал, что г. Самойлович вот-вот доставит мне экземпляр и я займусь их рассылкой (х)¹, и к сожалению я так и не дождался *присылки книги* (зачеркнуто в оригинале), хотя пробыл в Петербурге до 10 июля (подчеркнуто автором). Не понимаю, что значит такая *нак* (зачеркнуто в оригинале) чем объясняет такую неаккуратность. Быть может он не понял Вас и понял, что уже *экземпляры поступают в мою пользу* (зачеркнуто в оригинале) или же забыл, а ему не напомнили. Право, не знаю, что и думать. Я до сих пор не видел ни одного экземпляра Вашей книги, и потому не представляю себе даже, как она выглядит.

Во всяком случае Вам необходимо поспешить с посылкой книги С. П. Мельгунову и в редакцию «рус. Вестн.» а также г. Саликовскому в «К. Мысль». Что касается «Русского Слова», быть может Вы найдете удобнее передать туда экземпляр через Биркокова.

Лично же меня (зачеркнуто в оригинале) По приезде в Петербург я мог бы передать экземпляр Вашей книги редактору журнала «Заветы» Иванову-Разумнику.

Грустно, что книге Вашей приходится появляться на свет в момент в высшей степени неблагоприятный, так как сейчас все внимание общества всецело поглощено войной и возможностью великих событий и потрясений.

Сердечно радею, что родная Волга действует на Ваше здоровье. От души желаю Вам вместе с здоровьем возможно скорее вернуть себе и прежнюю бодрость и жизнерадостность и широкие планы и замыслы. Привет Вашему супругу» [15, л. 4, 4об.].

В течение лета 1914 г. уже происходила рассылка книги Е. В. Молостцовой, о чём А. С. Пругавин ей напомнил, посоветовав, в какие из

1 (х) – примечание А.С. Пругавина в тексте; выше дана вставка «(х) а уже затем сообщу Вам о результатах»

дания её лучше всего отправить. В письме он также обсуждает последние события в русском обществе и мире (начало Первой мировой войны) и интересуется её здоровьем (из предыдущих писем мы можем заключить, что Елизавета Владимировна имела слабое здоровье, часто вынуждена была проходить лечение за границей и даже планировала сделать операцию).

Последний черновик в деле датирован 4 сентября 1914 г. И в неё А. С. Пругавин словно подводит итог их четырёхлетней деятельности по выпуску труда «Иеговисты».

«Пять экземпляров Вашей книги, дор. Е. В., я своевременно получил и в тот же день один экземпляр отправил в Москву С. П. Мельгунову. Другой экземпляр я передал редактору журнала «Заветы» Иванову-Разумнику, в третий – в Вашего разрешения, экспроприировал в собственную пользу. Таким образом теперь у меня осталось два (подчеркнуто в оригинале) экземпляра Вашей книги, которые я при случае передам лицам, интересующимся вопросами о сектантстве.

Ж-сожалению (зачеркнуто в оригинале) война всецело заполнила (зачеркнуто в оригинале) поглотила теперь все литературные и научные интересы. В газетах – как Вы видите – исчезли даже самые отделы библиографические и литературные. Примеру газет вероятно последуют и журналы. «Заветы», например, решили завтра 4 сентября выпустить двойную (зачеркнуто автором) одну книгу, которую всю посвящать войне. Сентябрьская книжка «Вестн. Европы» до сих пор не вышла.

Если Вы (зачеркнуто в оригинале) С Короленко я всегда обменивалась всеми (подчеркнуто в оригинале) своими работами. На этот раз, не столько, конечно, от себя, сколько от Вашего имени, причем напомню ему о Вашем деле и – если уполномочите – о той симпатии, которую Вы к нему питаете как к писателю и человеку (неразборчиво) с ним в Нижнем. Я конечно, коре чем Вы узнаю <...> о возвращении Короленко и о приезде его в Петроград. При случае напишите Ваше мнение по этому поводу. Однако независимо от этого Вам следовало бы послать один экз. Вашей книги в редакцию (подчеркнуто в оригинале) «Рус. Бог. век» [15, л. 6, 6об.].

Письма, находящиеся в делах № 287 и 374 личного фонда А. С. Пругавина в архиве РГАЛИ, были написаны в период с января 1910 г. по сентябрь 1914 г., то есть как раз на этапе работы Е. В. Молоствовой над книгой «Иеговисты». Данное заключение подтверждает и содержание самой переписки. Листы в делах расположены не в хронологическом порядке написания

писем, а на некоторых из текстов отсутствует авторская датировка. Всё это несколько осложняет работу с ними как с источником, но не умоляет значимости содержания данных источников.

Тожественны ли были старообрядческий наставник и наставник в Русской Православной церкви? Феномен наставничества в понимании обывателей конца XIX – начала XX в. в Российской империи разделялся на две основные категории: наставничество светское, когда более опытный в какой-либо области человек передавал свои знания молодому коллеге, и наставничество духовное, когда более опытный именно в области духовных практик человек (для братии часто один их монахов в монастыре, для мирян чаще священник) осуществлял именно духовное руководство.

В православной церковной традиции такие духовные наставники, «исполненные Духа Святаго и потому имеющие духовно обусловленные полномочия быть для других наставником, направляющим к духовному совершенству», именовались старцами [17, с. 15]. Таких старцев-наставников именовали также отцами, учителями, и восприемниками, подчёркивая их глубокие духовные познания и опыт. То есть, если сравнивать православное старчество со старообрядческим наставничеством, то можно заключить, что идея у них тождественна – подчинения опытному духовному наставнику, его руководящая роль для человека в жизни. Оба этих института это, прежде всего, общение с миром, духовное устроение мирян, приобщение их к Божественной реальности.

Однако между православным старчеством и древлеправославным наставничеством существовала разница с точки зрения внутренних и внешних границ взаимодействия наставника с наставляемым. Во-первых, различались территориальные границы (границы места). Если первые одной из главных черт имели «сочетание строгого подвижничества с активным выходом в мир, т.е. широкое общение с мирянами, служение в качестве духовников» [17, с. 17], то вторые осуществляли своё подвижничество в миру. Старцы, как правило, находились в монастырях и лаврах и притягивали православный народ в эти духовные центры (Троице-Сергиева лавра, Оптинская пустынь, Саровская пустынь и другие). Старообрядческие наставники жили в деревнях, сёлах и местечках, всегда были окружены мирянами и специально не удалялись из мира.

Во-вторых, разница между ними существовала в границах наставничества. Если старцы, как правило, ограничивались исключительно духовными советами по устройению жизни, стремились принести в мир идею «обожения», то староверческие наставники вникали не только в теорию, но и в практику доверившихся им людей. Часто в староверческой среде наставник не только приобщал к духовной практике, но и брал на себя «страховые риски» экономической жизнедеятельности общины.

Таким образом, можно заключить, что практика наставничества в старообрядческой среде оказывалась шире, нежели подобная практика в православии. Вспомнив идею русского религиозного сознания о «монастыре в миру» (возникла еще в период развития славянофильских идей), станет очевидно, что именно феномен наставника-старовера соответствовал ей в полной мере. Староверческое наставничество – это не только и не столько достижение самим наставником духовной зрелости и стремление привести к ней наставляемых, но и важная составляющая бытовой, социальной и культурной жизни старообрядцев, и их педагогической культуры. В рамках наставничества у староверов наблюдается и собственная педагогическая культура. Происходит непосредственное «приобщение ученика к личному религиозно-нравственному опыту учителя» [23, с. 60] и практико-бытовой традиции старообрядческого сообщества, что способствует дальнейшему развитию личности.

Особая духовная связь между русской интеллигенцией и старчеством возникла ещё в начале XIX в., а в последующий период она развивалась, обретая всё новые формы. Одним из появившихся во второй половине XIX в. народных дополнений стала идея о переориентации с образа старца – православного инока на образ наставника-старовера. К такой мысли пришёл и А. С. Пругавин.

Безусловно, являясь признанным специалистом по религиозной жизни народа, Александр Степанович Пругавин не мог пропустить данный феномен и не изучить на практике наставничества в староверческой среде. Он, конечно, наблюдал подобную практику лично (когда находился в ссылке на Русском Севере), несомненно, был знаком с наставниками-старообрядцами (лично или через переписку, в которой он состоял с представителями различных религиозных групп). И сам автор, если рассмотреть его частную жизнь, являл собой если не

образец, то один из возможных примеров образа наставника.

А. С. Пругавин никогда не состоял в официальном браке и не имел детей. В личном фонде автора отсутствуют какая-либо информация, на основе которой можно было бы сделать вывод о его семейном положении. При этом семья А. С. Пругавина была большой, у него самого было четыре брата и одна сестра, и у его отца также были братья и сёстры. Данный факт (отсутствие семьи) сближает А. С. Пругавина с традиционным образом наставника-старовера, ведь чаще всего у наставников семья отсутствовала.

Могло ли наставничество со стороны А. С. Пругавина к Е. В. Молоствовой быть следствием личной симпатии мужчины к женщине и наоборот? Однозначно на этот вопрос ответит сложно ввиду удалённости событий. Тем не менее, если исходить из содержания их переписки и биографической информации, то можно заключить, что их общение, начинавшееся как переписка двух авторов, интересовавшихся схожими темами, безусловно, вылилось в нечто большее, нежели просто профессиональное общение.

Однако определить их отношения как дружбу или возможную симпатию не позволяют, во-первых, биографические сведения о Елизавете Владимировне (воспоминания знавших её людей, переписка с другими лицами), которые свидетельствуют о взаимной любви и уважении между супругами Молоствыми. Муж Е. В. Молоствой Владимир Германович, с которым они прожили вместе чуть больше восемнадцати лет (сентябрь 1899 – январь 1918) был «самым большим другом её жизни».

Об этом же свидетельствует и переписка между А. С. Пругавиным и Е. В. Молоствой. В письмах Е. В. Молоствой за указанный почти пятилетний период часто содержатся просьбы к А. С. Пругавину о назначении встречи: «Необходимо вас видеть весьма важному делу <...>. Телеграфируйте когда могу заехать», «Очень хочу Вас увидеть. <...>, где и когда можем свидеться», «назначьте мне другое время», «Молю назначьте мне часы» [16, л. 1, 6, 8, 9об.]. Это, во-первых, подтверждает важность, которую она придавала контактам с А. С. Пругавиным. Ведь от него как от эксперта и, одновременно, корректора во многом зависел успех её книги. Во-вторых, это подтверждает момент «наставничества» со стороны А. С. Пругавина, так как в письмах, помимо обсуждения работы

над её трудом «Иеговисты», они обсуждают и личные проблемы, делятся мыслями и впечатлениями. Александр Степанович также высылает ей собственные сочинения для ознакомления, что Е. В. Молостцова очень ценит. Сам А. С. Пругавин в письмах позволяет себе интересоваться её личными делами (в частности, здоровьем), обсуждать происходящие с Е. В. Молостцовой события и давать советы, как поступать в той (например, личное общение с представителем секты) или иной (например, с распространением книги, общением с издателями) ситуации.

Проанализировав переписку, можно заключить, что А. С. Пругавин реализовывал и свой педагогический талант, когда он в письмах общал Е. В. Молостцову к практике работы с таким сложным явлением, как старообрядчество и сектантство, через передачу личного опыта.

В эпистолярном диалоге с Елизаветой Молостцовой Александр Пругавин явил себя как многогранный наставник:

- в педагогической деятельности: передача собственного опыта исследователя-практика,

- в исследовательской деятельности: работа в качестве рецензента и корректора книги Е. В. Молостцовой,
- в общественной жизни: обучение Е. В. Молостцовой правилам исследований и работе с сектантами, общение о Л. Н. Толстом,
- в личной жизни: интерес к личному здоровью Е. В. Молостцовой, рассказы о собственных делах.

Благодаря обстоятельной и вдумчивой работе А. С. Пругавина с Е. В. Молостцовой на свет в 1914 г. появилась её книга «Иеговисты. Жизнь и сочинения кап. Н. С. Ильина. Возникновение секты и ее развитие». Книга посвящена истории секты иеговистов, вышедшей из религиозного течения «Десное Братство», основанного в середине XIX в. капитаном артиллерии Н. С. Ильиным. Книга Е. В. Молостцовой, для написания которой использовались подлинные исторические документы, знакомит читателей с религиозными взглядами и учением самого Ильина, а также знакомит с его многочисленными сочинениями. Кроме того, две из двенадцати глав книги посвящены жизни последователей данной секты.

Библиография:

1. Власова В. В. Институт наставничества у коми старообрядцев-беспоповцев // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы V научно-практической конференции «Старообрядчество: история, культура, современность». Вып. 6. М., 2000. 507 с.
2. Воропаева Г. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... (Б. Бер) // [Электронный ресурс] <http://www.roesis.ru/roeti-roezia/ber/biograph.htm> (дата обращения 01.02.2016).
3. Воскресенская Т. А. Новгородские старообрядцы-беспоповцы: эсхатологические основы мировосприятия и быт // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 38. С. 61-64.
4. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря // [Электронный ресурс] http://www.semeyskie.ru/en_n.html (дата обращения 11.02.2016).
5. Лодыженский И. Н. Родословная Молостцовых. СПб.: Государственная тип., 1900. VI. 40 с.
6. Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества у русской интеллигенции. Воронеж: Научная книга, 2007. 357 с.
7. Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж: Научная книга, 2010. 299 с.
8. Молостцова Е. В. Грядущее царство мира // Мир для всех. 1910. № 11.
9. Молостцова Е. В. Иеговисты: Жизнь и сочинения кап. Н. С. Ильина. Возникновение секты и ее развитие. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. 298 с.
10. Молостцова Е. В. Секта иеговистов // Живая Старина. Вып. 1. СПб. 1914. 19 с.
11. Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. М.: типография И. Д. Сытина, 1904. 281 с.
12. Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (К вопросу о веротерпимости). М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1905. 130 с.
13. Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. М.: Типография И. Д. Сытина, 1905. 95 с.
14. Пругавин А. С. О Льве Толстом и о толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы. М.: Типография И. Д. Сытина, 1911. 339 с.
15. Письма Пругавина Александра Степановича Молостцовой Елизавете Владимировне // Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ) Ф. 2167 оп. 1 ед. хр. 374.
16. Письма Молостцовой Елизаветы Владимировны Пругавину Александру Степановичу // Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ) Ф. 2167 оп. 1 ед. хр. 287.
17. Руденская Т. В. Русское старчество как духовный феномен православия // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 1(120). С. 15-20.
18. Ружинская И. Н. Старообрядческие наставники Олонецкого уезда в царствование императора Николая I // [Электронный ресурс] <http://www.olonec.ru/starogobr.php> (дата обращения 18.02.2016).

19. Сажин Б.Б. Проблема «раскола» в публицистике А.С. Пругавина (начало 80 – х гг. XIX в.) // Софист: социолог, философ, историк. 2005. Вып. 1. С. 90-106.
20. Сак О. Поиски и находки // [Электронный ресурс] <http://museum.lib.kherson.ua/ru-poshuki-ta-znachidki.htm> (дата обращения 11.02.2016).
21. Фролова С. А. Источники изучения дворянства XVIII-XIX вв. (на примере рода Молоствовых) // Историческая наука в Татарстане: исследовательские и педагогические традиции: Тезисы док. и вист. межвузовской научной конференции (14-15 мая 1996 г.). Казань, 1996. С.44-46.
22. Фролова С. А. Здесь жизнь из тайников глубин восходит из вершин»: поэтика Долгополянкой усадьбы // Эхо веков, 2009. №2. С. 190-201.
23. Шафажинская Н. Е. Духовное наставничество как эталон психолого-педагогической культуры // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология 2009. Вып. 4 (15). С. 50–61.
24. Щербакова А.И. Педагогика искусства в становлении субъекта художественного действия – проводника культуры XXI века // Педагогика и просвещение. – 2015. – 3. – С. 277 – 287. DOI: 10.7256/2306-434X.2015.3.16760.

References (transliterated):

1. Vlasova V. V. Institut nastavnichestva u komi staroobryadtsev-bespopovtsev // Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost': Materialy V nauchno-prakticheskoi konferentsii «Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'». Вып. 6. М., 2000. 507 s.
2. Voropaeva G. Poeziya Moskovskogo universiteta: ot Lomonosova i do... (B. Ber) // [Elektronnyi resurs] <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/ber/biograph.htm> (data obrashcheniya 01.02.2016).
3. Voskresenskaya T. A. 2.Novgorodskie staroobryadtsy-bespopovtsy: eskhatologicheskie osnovy mirovospriyatiya i byt // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2006. № 38. S. 61-64.
4. Staroobryadchestvo. Litsa, predmety, sobytiya i simvol. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya // [Elektronnyi resurs] http://www.semeyskie.ru/en_n.html (data obrashcheniya 11.02.2016).
5. Lodyzhenskii I.N. Rodoslovnaya Molostvovykh. SPb.: Gosudarstvennaya tip., 1900. VI. 40 s.
6. Mokshin G. N. Ideologi legal'nogo narodnichestva o russkoi intelligentsii. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2007. 357 s.
7. Mokshin G. N. Evolyutsiya ideologii legal'nogo narodnichestva v poslednei treti KhIKh – nachale KhIKh vv. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2010. 299 s.
8. Molostvova E.V. Gryadushchee tsarstvo mira // Mir dlya vsekh. 1910. № 11.
9. Molostvova E.V. Iegovisty: Zhizn' i sochineniya kap. N.S. Il'ina. Vozniknovenie sekty i ee razvitie. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1914. 298 s.
10. Molostvova E.V. Sekta iegovistov // Zhivaya Starina. Вып. 1. SPb. 1914. 19 s.
11. Prugavin A.S. Staroobryadchestvo vo vtoroi polovine XIX veka. Ocherki iz noveishei istorii raskola. М.: tipografiya I. D. Sytina, 1904. 281 s.
12. Prugavin A.S. Monastyrskie tyur'my v bor'be s sektantstvom (K voprosu o veroterpimosti). М.: Tipo-litogr. T-va I. N. Kushnerev i K°, 1905. 130 s.
13. Prugavin A.S. Raskol i sektantstvo v russkoi narodnoi zhizni. М.: Tipografiya I.D. Sytina, 1905. 95 s.
14. Prugavin A.S. O L'Ve Tolstom i o tolstovtsakh. Ocherki, vospominaniya, materialy. М.: Tipografiya I.D. Sytina, 1911. 339 s.
15. Pis'ma Prugavina Aleksandra Stepanovicha Molostvovoi Elizavete Vladimirovne // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstv (RGALI) F. 2167 op. 1 ed. khr. 374.
16. Pis'ma Molostvovoi Elizavety Vladimirovny Prugavinu Aleksandru Stepanovichu // Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstv (RGALI) F. 2167 op. 1 ed. khr. 287.
17. Rudenskaya T.V. Russkoe starchestvo kak dukhovnyi fenomen pravoslaviya // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 1(120). S. 15-20.
18. Ruzhinskaya I. N. Staroobryadcheskie nastavniki Olonetskogo uezda v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I // [Elektronnyi resurs] <http://www.olonec.ru/starobr.php> (data obrashcheniya 18.02.2016).
19. Sazhin B.B. Problema «raskola» v publitsistike A.S. Prugavina (nachalo 80 – kh gg. KhIKh v.) // Sofist: sotsiolog, filosof, istorik. 2005. Вып. 1. С. 90-106.
20. Sak O. Poiski i nakhodki // [Elektronnyi resurs] <http://museum.lib.kherson.ua/ru-poshuki-ta-znachidki.htm> (data obrashcheniya 11.02.2016).
21. Frolova S. A. Istochniki izucheniya dvoryanstva XVIII-XIX vv. (na primere roda Molostvovykh) // Istoricheskaya nauka v Tatarstane: issledovatel'skie i pedagogicheskie traditsii: Tezisy dok. i vyst. mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii (14-15 maya 1996 g.). Kazan', 1996. S.44-46.
22. Frolova S. A. Zdes' zhizn' iz tainikov glubin voskhodit iz vershin»: poetika Dolgopolyanskoi usad'by // Ekho vekov, 2009. №2. S. 190-201.
23. Shafazhinskaya N. E. Dukhovnoe nastavnichestvo kak etalon psikhologo-pedagogicheskoi kul'tury // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya 2009. Вып. 4 (15). S. 50–61.
24. Shcherbakova A.I. Pedagogika iskusstva v stanovlenii sub"ekta khudozhestvennogo deistviya – provodnika kul'tury KhXI veka // Pedagogika i prosveshchenie. – 2015. – 3. – С. 277 – 287. DOI: 10.7256/2306-434X.2015.3.16760.